

narrative; this is contrary to the “outsider’s” approach typically adopted in historical sciences with its claims for objectivity.

The thematic units, that typically are present in oral history interviews, concerning pre-1917 period, the period of collectivization in the 1930s, the mass famine of 1932–1933, the war times, the national movements, the “good” and “bad” times of the twentieth century, the relocation caused by Chernobyl tragedy, the family history and so forth all bear a whole range of folkloric features. Individual experiences of different narrators are embodied in texts, which have a lot of common features on different levels. The shared worldviews and shared stereotypes cause similarity of opinions concerning the different periods of history. These stereotypes are “supported” by the stability of motives, which is quite impressive taking into account the differences between the individual experiences of different actors. Verbalisation of personal experience demonstrates the presence of verbal stereotypes as well.

Oral history narratives aren’t only about the facts about the past happenings, to a greater or lesser extent they are also works of (performing) art. In the process of repeated reproduction these texts gain some perfect artistic features or, on the contrary, degrade.

All in all, such understanding of oral history data allows one to see a human being behind the history, and provides scholars with the possibility to study the person, his/her worldview, and inner world in addition to the facts and realities of history.

Ирина МАХОВСКАЯ

Ирина РОМАНОВА

**МИР: ИСТОРИЯ МЕСТЕЧКА,
РАССКАЗАННАЯ ЕГО ЖИТЕЛЯМИ**

(опыт изучения локальной истории методами устной истории)

Мир — городской поселок Гродненской области Республики Беларусь¹. В 1921–1939 гг. Мир находился в составе Польши, с 1939 г. в составе БССР². Благодаря замку XVI в., который отнесен ЮНЕСКО к высшей категории памятников всемирной культуры, Мир включен во все туристические справочники, однако при формировании экспозиции замка, составлении путеводителей и различного рода рекламно-справочной продукции выявилась недостаточность информационной базы. Не сохранились (за единичными исключениями) ни семейные архивы, ни документы, ни фотографии последних владельцев замка князей Святополк-Мирских. Были разграблены замковые интерьеры. На сегодняшний день именно устноисторические источники являются основными в изучении и реконструкции повседневной жизни замка и его обитателей: воспоминания людей, детство и молодость которых прошла непосредственно при замке, представляют огромную ценность. Незаменимы они и при подготовке и проведении экскурсий по самому населенному пункту.

Уникальность данного населенного пункта в качестве объекта изучения определили несколько моментов. Жизнь рядом с замком, князьями (до 1939 г.) придавала мирянам ощущение уникальности их малой родины и существенно повлияла на особенности самоидентификации местных жителей. О том, что значили и значат замок и его обитатели для простых мирян свидетельствует тот факт, что и сегодня в семейных альбомах старожилов Мира хранятся фотографии членов княжеской семьи Святополк-Мирских.

Второй момент, который обеспечил всемирную известность Миру — Мирская иешива, одна из известнейших иешив первой половины XX в., где обучались студенты из самых разных стран мира. В 1939 г. она была эвакуирована из Мира, а в 1947 г. разделена. Сегодня существуют две иешивы, которые носят название «Мир»: в Иерусалиме и Нью-Йорке.

Для проведения исследования нами был разработан опросник, основное внимание при его составлении уделялось вопросам о повседневной жизни людей.

Опросник во время работы не раз подвергался трансформации. Как оказалось, в начале работы наших знаний не хватало, чтобы охватить опросником все стороны жизни Мира. Информанты в своих воспоминаниях затрагивали какие-то новые темы, которые сразу включались в список вопросов. Главное, на что была направлена наша работа, и на что были ориентированы студенты, работающие в рамках проекта³: анкеты жестко придерживать не нужно, не жалейте времени и проявляйте побольше любопытства.

Интервьюеры нашей группы обошли практически все дома в пос. Мир и записали все воспоминания, которыми поделились пожилые люди (1910–1930-х гг. рождения). Получилось 85 интервью.

Автобиографические рассказы являются довольно сложным материалом для интерпретации: средством выражения исторического опыта является жизнь одного человека. Но собранные вместе и рассмотренные под другим углом зрения (в «горизонтальном разрезе»), они прекрасно дополняют друг друга⁴. Виртуально была сконструирована следующая модель: все миряне, собранные в одном месте, рассказывают, слушают и дополняют друг друга. Т.е. интервью после перевода его в текстовой формат дробилось на тематические блоки, а затем фрагменты из разных интервью по одной теме сводились вместе. Верификация отдельных фактов осуществлялась путем сравнения высказываний информантов, а они, в свою очередь, увязывались с материалом, полученным из других источников. Таким образом был осуществлен тематический монтаж фрагментов, местами дополненный фрагментами биографий. Получился коллективный рассказ мирян об их жизни «за польским часом»⁵.

История XX в. делится жителями Западной Беларуси так: «за царом» (до 1917 г.), «за польским часом» (1920–1930-е гг.), «першыя саветы» (1939—июнь 1941 г.), «война» или «за немцам» (1941–1944 г.), «другія саветы» (послевоенный период). За это время Мир не единожды подвергался значительным социальным и экономическим трансформациям. Новая власть, новые порядки каждый раз вынуждали вносить значительные коррективы в прежний, привычный способ существования. Жизнь в условиях постоянных социальных и политических перемен характеризуют слова наших информантов: «*Жили при Польше, пришли русские, потом — немцы, потом — русские. Все это нужно было пережить*» [53]. «*Нам очень тяжело было сосредоточиться: вся власть переходная*» [4].

Каждая эпоха имеет специфический набор обязательных тем, на которых сосредотачиваются люди в своих воспоминаниях, даже если эти темы не играют значительной роли в их личной жизни. Эти сюжеты сохраняются в коллективной памяти и презентуются через биографическую историю. Так, «обязательными темами» воспоминаний о межвоенном периоде были магазины, где «все было», иешива и евреи, князь и замок, польская школа. Говоря о войне, обязательно вспоминают об уничтожении евреев, о партизанах, полициях. Послевоенные годы — это коллективизация, карточки, очереди, хрущевская кукуруза, как «боялись что сказать» при Сталине и купили телевизор при Брежневе. Примечательно, что межвоенный период («за польским часом») и весь советский период представляются в воспоминаниях мирян как абсолютно равноценные, несмотря на то, что по длительности они несопоставимы.

Среди сюжетов, которые нам удалось восстановить при помощи устноисторических методов — повседневная жизнь рядовых мирян, замка и его обитателей, условия

жизни княжеских паробков⁶, особенности национальных взаимоотношений и многие другие. В данной статье для иллюстрации потенциала устноисторических исследований в реконструкции локальной истории будут использованы воспоминания о 1920–1930-х гг. (тот период, который информанты называют «за польским часом»).

* * *

Вспоминая поселок в межвоенный период, миряне рассказывают: *Центр наш еще до войны славился. Красивый был, красивее, чем сейчас* [22]. *Улицы в центре были мощенные, тротуар был побелен* [10]. *Имелись стоки воды* [53]. *Камень лежал* [29]. *У богатых ограда была из глины. Были каменные и деревянные дома. Был один двухэтажный дом. Хозяин Голдин. Первый этаж жилой, второй — мастерская* [42]. *И красивые эти дома, блестящей бляхой [крыты] крыши* [30].

Мир был один из чистейших поселков. Каждый должен был напротив своего дома, зелень если наименьшая появилась между камнями, так он ножиком удалял. Полицейский следил. Один здесь полицейский был, Завадский. Он подходит и дает указания: уберу; протокол составляет, до такого-то срока, чтобы улица напротив твоего дома была чистой. Чистота во дворе тоже [24]. *За неуборку улицы — штраф 2 злотых от полицейанта. Базар специальный человек убирал* [4].

В Мире уже в то время евреи имели на Миранке мельницу, имели паровик, дровами топили паровик. И они генератор сделали и давали свет на город. Ну, не у всех, правда, свет был, кто жил беднее, то не в силах был оплачивать [24]. *Мельницей владели жиды*⁷ [29]. *На Миранке была княжеская водяная мельница. На электростанции был паровой двигатель. У всех евреев было электричество. Много кто из наших пользовался светом, но было дорого. И улицы освещались электричеством* [44].

Центром Мира являлась рыночная площадь. Вокруг нее — костел Святого Николая (нач. XVII—XIX ст.), церковь Святой Троицы (XVI—XIX ст.), 7 синагог (сейчас в этих зданиях — УПК, сберкасса и др.), иешива (современная почта), татарская мечеть (здание уничтожено пожаром). На окраине поселка — замок (XVI в.), часовня-усыпальница князей Святополк-Мирских (1904 г.), спиртзавод (начало XX в.).

По периметру рыночной площади в два ряда размещались еврейские магазины. Информанты вспоминают: *Магазинов много* [называют цифры около сотни и, даже, до полутора]. *Много было товара в магазинах* [10]. *Вся центральная площадь была в магазинах. Все магазины еврейские, но был один польский государственный — вспулдэляня* [spółdzielnia — кооперативный магазин] [9]. *Это значит, там общество собирается, взносы какие-то, чтобы владеть совместно магазином. Там торговали уже поляки, не евреи. Там был директор школы, ксендз, начальнички разные, там, начальник почты, Феликс Блех, каменщик* [29]. *Начальником кооператива был директор школы пан Балицкий* [44].

В центре в магазинах было очень красиво. Если богатый человек заходил в магазин, еврей дорогое предлагал, если бедный — то дешевое [31]. *Евреи торговали всем, чем только можно: пуговицами, тапочками, одеждой, продуктами* [11]. *Продавали селедку, рыбу, хлеб, нитки, иголки* [36]. *У еврея Азельма в магазине чего только не было: и сироп, и сыры, и селедка такая красивая. А семечек белых мешки стояли!* [38]. *Богатым евреем был Рабинович. Он имел 2 своих магазина* [42].

Рядом с костелом располагалась кирпичная хибарка, там был часовой мастер Глуск. За часовым мастером был аптечный склад Чарного. Дальше — магазин Писецнера. Сигареты, консервы можно было купить, шпроты. Я, помню, покупал для швагров своих [швагры были лакеями князя], как соберут где-нибудь на бутылку. А они дорогие были, но не нашим ровня сейчас шпротам. О-о-о! Далеко эти шпроты! [...] Была княжеская пекарня. В Мире этим хлебом не торговали. Его могли брать те, кто работал на князя в замке, князь брал. В самом поселке было несколько еврейских пекарен, 4 или 5. Одна из них — Цвика. Любой хлеб пекли: хлеб черный и булочки выпекали, любой, какой хочешь. Ой, какие булочки, пальцы облизнешь! Она с сахаром, вот, изюмом, маком посыпанная [29].

Разнообразные булочных изделий, хлеба было огромное. Если ты пришел баранки покупать: «Что у тебя эти баранки, они черствые!» — «Я тебе с печки достану. Только бери! Возьми и масла сливочного!» Он разрежет наполовину баранок, положит масла сливочного — и, пожалуйста... [24]. Если сегодня испек хлеб и не продал, то завтра он в 2 раза дешевле [42]. На углу была такая Шамичова, она имела колбасную. Чтобы вас не обмануть, может наименований под сто колбас было разных, не перечислить: как мы называли «Мысливки», «Краковская», «Варшавская» колбасы, и сухая была колбаса. А «Мысливки» — это «Охотничья», такая как сосиски, только начинена мясом, салом и перевязана тоненько, вот на такие вот кусочки [24].

Это белорусский был только один обувной магазин. Шейма его фамилия. А так в основном евреи [22]. Был обувной магазин, хозяином которого был белорус Бирюля. Обувь, которой он торговал — фирмы «Бата». Еще одним магазином заведовал белорус Русецкий — он находился в здании современного сельпо. Также был книжный магазин. Хозяин Крайнович.

Вместе с тем, старожилы признают: В магазинах было много хороших вещей, но тяжело было их купить [31]. Среди предметов роскоши называют табак, водку и даже сахар. Дорогая была забава — курить и пить водку. Не помню, чтобы гнали водку [2]. При Польше конфет не покупали, так, огурцов, затирки... [4].

Для небольшого местечка⁸ в Мире имелась довольно значительная сеть не только магазинов, но и ресторанов, корчм. Было 5 ресторанов в центре: первый Машка держала, второй — между автостанцией и магазином, третий — корчма Касмаевича [56]. Где автостанция, Шепшель, еврей, владел. Были такие дешевенькие. Называли «Шепшель» [29]. Водку евреи продавали. Были забегаловки в центре. Подвалы были: пиво, вино, бильярд был [21]. По дороге к гмине на углу есть дом — ворота выходят на улицу. Там была корчма. Ею владел Амельк при Польше [16]. Куда ни зайди — полно людей, они были всегда полные [10]. Еще была солидная корчма — поляк держал Кузмич [4].

Информанты отмечают: Все было частное. Ну и частники, я вам скажу, не в упрек советской власти... В магазине тогда не было такого, чтобы чего-то не было. Товаров не счесть [24]. Даже солдаты в 1939 году, когда наступали сюда, освобождали нас от хлеба, от солц, то они говорили, что здесь у нас под боком маленькая Америка. У нас же здесь что хочешь было, что ты только хочешь! [29].

Мир славился своими ремеслами: кузнецы, сопожники, портные, столяры, строители и др. удовлетворяли спрос не только местечковцев, но и жителей окружающих

деревень. Достижения же его гончаров были известны далеко за пределами местечка, даже в столице — Варшаве.

Склонные к идеализации польского периода, припадавшего на годы их молодости, наши информанты отмечают: При Польше жилось как кому, а в целом, кто работал, то и имел все [11]. И врачи, и учителя имели повара, няню для детей [23].

* * *

Наблюдалась определенная дистанция между жителями поселка и паробками князя, жившими в его имении. Они, поселковые, нас и холоуями называли, потому что у князя работали. Хоть он в 10 раз хуже живет, но он это ого-го! У меня тут рядом живет, то его жене не понравилось, что батрак княжеский пришел построился. Они же считали себя ого! Я мещанин! Они коренные миряне, жили все время [29]. Но то, что условия жизни у княжеских работников были лучше, никто не отрицает. Простые люди жили плохо, а княжеские — хорошо [42]. У князя паробков было много и паробки эти первыми надели костюмы и купили велосипеды [24]. Они лучше ходили, чем князь [14]. Князь хорошо к работникам относился. У него жить было хорошо. Были даже такие люди, которые бросали свой дом и шли к князю работать. Князь давал им квартиры [39]. В имении люди неплохо жили при князе. Каждый месяц получали 12 пудов ординарии (жалования), 12 пудов хлеба и еще 6 золотых. Князь яблоки давал своим рабочим дешевле, а кому и бесплатно [44].

Дети тех, кто когда-то работал в имении, вспоминают условия, в которых прошло их детство и юность. Рассказывает сын княжеского кассира: Я вам скажу, дай Бог сейчас такие условия. Корову не нужно было держать. Был специальный коровник для паробковских всех коров. Их там кормили, поили, только приди подои свою корову. Если не хочешь держать свою корову, то давали по три литра молока на семью, если большая семья — по шесть. Картошку никто из паробков не сажал, не копал, ничего. Определенная группа паробков сажала, обрабатывала картошку и после готовую в таких ящиках привозили сразу на дом. Не нужно было мучаться, где дрова достать. Все это доставлялось порезанным прямо на дом. Только если не хочешь рубить, то попросишь там, мелочь заплатишь, то тебе и по-секут. Обеспечивал князь все семьи. Давал еще и зерно, и деньги [24].

Сын шорника княжеской мастерской вспоминает: Отец получал — дай Боже! Хоть говорят, князя, помещики издевались — неправда, это все вранье! Может быть, где-то там и издевались, но у нас князь хорошо относился к хорошим работникам, а плохих выгонял.

У князя было лучше, чем на своем. Отец же получал столько денег, что... Четверть коровы за месяц! А зерна сколько! У нас был огород свой, грядки. Выращивали помидоры, огурцы, лук, морковку, свеклу, картошку. Для картошки 44 сотки моему отцу давали, князь на своих землях.

Дай Бог вашим детям носить то, что я носил. У меня и сапожки были, зимой — валеночки хорошенькие были, ботиночки, все это шилось на заказ. Если вырастал — отдавали тому, кто хуже жил, младшим отдавали. Паробки же хуже нас жили. Они не 24 золотых [как отец], а 10 получали, и уже проблема была купить. У нас в Мире никто

не ходил в лаптях. По деревням — да. И на базар приходили в лаптях. «Ах, ты, лапотник!», — говорили. Еврей на что-нибудь разозлится, то обзывал так.

Отец 24 злотых в месяц получал, но каждый месяц не получал, вот когда договорится с кассиром. [Читает из расчетной книжки отца] По 72 злотых получал 30 июня, потом за время с 1 июля по 30 сентября — 72 злотых получил. А у некоторых задолженность по 10 лет была. Денег не было. Придешь к кассиру, постучишь в маленькое окошко: «Пане Ковалевич, может деньги есть?» — «Нет!» Раз, занавеску закинул, все! А кому пожалуешься? К князю никто не доходил. Управляющему еще можно... Но выкручивались как-то, и в лаптях никто не ходил, в сапогах ходили, а девушки в туфлях. Мой отец хорошо жил с этим кассиром Ковалевичем. А так бывало, что по 10 лет зарплата задерживалась. Они [жили с того, что] то зерно продадут, то у кого корова, он молока надлит, сметанку соберет, масло собьет и на базар вынесет, или еврея какому. Еврей же все время покупают, если знают, что ты опрятный, аккуратный [29].

За права рабочих князя боролся польский профсоюз. Это как профсоюз, он князя пощипал хорошо. Как привязался! Был Сенкевич, главный из профсоюза, собрание проводил. Это было собрание только тех, кто у князя работал. Князь приходил. Оказалось, что он даже за 10 лет должен [29]. Для ликвидации задолженности князь был вынужден продать часть своих земельных угодий.

* * *

Мир — полиэтничское (здесь жили белорусы, поляки, евреи и татары) и поликонфессиональное (православные, католики, иудеи, мусульмане) местечко. Как отметила наша информантка, татарка по национальности: *В принципе, тут все нормально жили и дружили с русскими и поляками, хотя у каждого была своя вера и свое кладбище* [3].

Сбор материалов по этническим стереотипам и национальным взаимоотношениям имеет свои трудности: исходя из подсознательного желания презентовать себя с «правильной» стороны, человек склонен демонстрировать толерантность в национальном вопросе. И дальнейший «слом нарратива» лежит уже в плоскости доверия к собирателю, желания поделиться с ним своими мыслями и, с другой стороны, мастерства интервьюера, который должен найти подход к каждому собеседнику.

Образ жизни евреев являлся наиболее отличным, «чужим» для наших информантов (белорусов, поляков и татар). В пользу этого свидетельствует тот факт, что когда информанты показывали групповые фотографии, то белорусов и поляков они, как правило, называли по именам, в то время как имена евреев могли назвать далеко не всегда. О плохом знании, в свою очередь, белорусской стороны жизни евреями говорит то, что бывшие студенты иешивы, прожив в Мире по несколько лет, не знали даже фамилии мирского князя. В своих письмах и воспоминаниях (где, кстати, никогда не упоминают мирян-белорусов) они называют его «не то маркизом, не то графом», а по фамилии — Радзивилом⁹.

За пресловутыми «хорошими отношениями» между белорусами и евреями иногда мы слышали довольно яркие расшифровки: «Все они были боксеры, развитые такие, их звали

маламонтами². Когда местные бросали камень, чтобы их в драку втянуть, они в ответ ничего. Хорошие отношения были» [6]. Один из наших информантов относительно историй о том, что евреи для приготовления мацы использовали кровь христианских детей, уверенно заявил: «Неправда это!» А после сообщил: «Между прочим, моя жена жила в Еремичах¹⁰, там тоже были еврей, так был такой случай, что ее хотели прихватить [на мацу] еврею». Далее последовал рассказ о том, как ей удалось спастись [29].

Такого рода мифология имела значительное распространение. *Детей пугали жидами, что могут схватить, засунуть в бочку с гвоздями и катать. Это им нужно, чтобы приготовить мацу с детской кровью* [18]. А еще родители нас убеждали, что на свои праздники евреи ловят православных и католических детей и берут с пальца кровь, которую добавляют в тесто мацы [43]. *Еврей у нас был, был ковалем. Дети правила: «Вэль, Вэль, дай мацы!» А он отвечал: «Маца с кровью!»* [53]. Это сказка, но были такие слухи, что как будто там подвал, бочка, сажали в ту бочку с гвоздями, катали, чтобы кровь была, а эту кровь раздают по всей округе, чтобы евреям маца была. В мацу должна попасть кровь христианская [41]. Вместе с тем жители местечка констатировали, что еврей-соседи угощали их мацой. *На пасху у них, пасха у них немного раньше нашей, то мацы всегда принесут. А некоторые, кто с папой гешефт водили, или он им что делал, то еще и бутылку вина принесут церковного... Может там где и была с кровью [маца], а наша беленькая была, с первого сорта муки! У нас не было такого случая, чтоб жида детей на мацу ловили. Но про такое слышала. Но у нас никто никого не боялся. У нас Мир, мирные люди были* [40].

Жизнь евреев местечка Мир мы изучали с точки зрения белорусов, татар и поляков. Разумеется, это не та история, которую изложили бы сами евреи. Однако ее, к сожалению, сегодня в Мире рассказать некому.

Информанты рассказывают: *Еврей торговали. У них магазины были. Магазинов столько в Мире было! Тут же повсюду, дом за домом, одни еврей, и у них — что только хочешь!* [37]. *На улице еврея можно было сразу отличить от белоруса: одежда была более богатой. Между собой они разговаривали на еврейском, а с нами — на нашем* [44]. *Еврей собирали кагал, на котором устанавливали цены на все товары. Еврей никогда не пил, не курил и не ругался* [15]. *Еврей все богатые были, дома у них большие были* [44]. *У богатых евреев была прислуга из русских*¹¹ [45]. *У них, кто немного богаче, у каждого была прислуга. Вот кто по деревням плохо жил, шли в наймиты к евреям* [29]. *Бедные ходили к ним на работу. Еврей хорошо платили. Если бы плохо, к ним бы не пошли работать* [39]. *Люди ходили работать к евреям няньками, домработницами. У них были и постоянные слуги, которые у них и жили. Еврейка еду сама готовила, остальное делали слуги. Многие брали белье еврейское стирать на дом* [44].

Традиционно как заслуживающий уважения воспринимался род деятельности своей социальной группы и «настоящий» труд — свой труд. *Мы работали за них, они не работали, торговали только. Так, всем нужно было отработать шарварки. Работали на укладке дороги, подносили камни, песок. А жид принесет талон (на 30 дней ему нужно шарварки эти отработать), заплатит мне деньги, а я буду за него работать* [14].

Еще еврей хорошие портные были, сапожники, но на земле никто не работал [21]. *Среди евреев Мира был только один, который землей занимался — Лейба-пахарь* [4].

Самым богатым был Ресаль, у него был пакт (сыроварня). Ресаль жил в центре, он был единственным миллионером в Мире. При князе в имени евреев не было. Евреи у князя скупали скотину — бычков, закупали у князя яблоки [44].

Имели место и бытовые конфликты на почве национальных различий, причем инициаторами выступали как одни, так и другие. К нам портной еврейский шить что-то приходил. Как-то так смешно получилось, у меня сестра была младшая, так она на того еврея, по дому ходит, говорит: «Скажешь "жид" — будет долго жить, а как скажешь "еврей" — сдохнет скорей!» Жид тот обиделся, к родителям на поле прибежал, но они сказали, что это ж малое дитя, не понимает ничего. Тогда уже и еврей этот остался жить дальше [23]. Мы жили вместе с евреями в одном доме. В тыльной части жили евреи, а в передней — мы. Отпускал нам квартиры татарин. Не было вражды, злости. Каждый занимался своим делом. Еврей зарабатывал себе на жизнь тем, что писал дзценцеры на пераменте — 10 заповедей по-нашему. У него было трое детей: Рива, Двойра, Шайя. У него не было приятни к нам, он детей к нам не пускал [12].

Со всем по иному сценарию складывались отношения с татарами и поляками. Татары воспринимались белорусами как наиболее близкие и понятные. Общими были не только белорусский язык, но и род занятий, и образ жизни. Вражды между нами и татарами не было [40]. Разговаривали они между собой и с нами по-нашему, но молились по-своему. Местные к татарам хорошо относились. Татары хорошо относились к нам [44].

С уважением миряне-белорусы рассказывают о трудолюбии татар, об их буднях и праздниках. Татары жили на улице Танкистов (раньше улица называлась Татарская). Работали как пчелки. С ранней весны до поздней осени. Они очень работающие [53]. Брала в аренду огород, выращивали там овощи и продавали их, выделывали кожи, шили кожухи [23]. Они были главными огородниками. Редиска, морковь, лук всегда первыми вырастали у них. Возили продавать в Столбцы [9]. Там, где их кладбище, там была их земля. Много земли они не имели, 1–2 гектара. Огороды были большие, сеяли ранней весной. С огорода они целый год не вылезали [44].

Отношения с поляками усугублялись социальными различиями и, по мнению, белорусов, заносчивостью поляков.

При Польше начальники какие, учителя, полицианты по-польски говорили в семьях, а вот были такие простые, так они по-белорусски говорили. А гонору все равно было много! Поляки считались выше нас. Это как коммунист выше на целую голову беспартийного, так поляк выше белоруса. Потому что он — поляк, а я — кацап [29]. Наши — русские²², не поляки. У меня старший брат был, а я семь классов польских закончила, так у меня выражения часто [проскакивали]. Я как читала, то сестра у меня спросила: «Докуда ты прочитала?» А я говорю: «Юрий уже добылся з вензеня», то он как наделал крику на меня: «Где ты в русской книге нашла "вензеня"?»... Почему поляков так он не любил? Потому что Беларусь тут, холера их сюда пригнала. И татары, и цыгане, и жида — они все местные. А поляки — наволочь!» [40].

* * *

Полиэтничность и поликонфессиональность обусловили разнообразие религиозной и культурной жизни местечка. Здесь праздновались католические, православные, иудейские и мусульманские праздники; устраивались польские, еврейские и белорусские представления; действовали еврейские и татарские начальные, польская семилетняя, а также иудейская и мусульманская религиозные школы; существовали польские и еврейские молодежные организации.

4 школы на частных квартирах были: для татарских детей была школа у Шункевича, для еврейских — у Шульца, Мелькименовича, у Гецальда. Школа повшехна²³, семилетка, была напротив гмины²⁴, здание было длинное, но одноэтажное. Учились в две смены [44]. До четырех классов учились в наемных помещениях, а после — в польской повшехной школе [13]. Школа была бесплатная. Тетради, чернила, книжки сами покупали [53]. Учились все на польском языке, без исключения, и татарские дети, и еврейские [4]. Перед уроками становились парами, коридор большой был, и пели молитву. А в классах уже как придет учитель, то вставали и тоже молитву читали [40]. Каждый ученик говорит. Еврей не будет говорить русскую молитву, и татар никто не заставляет [53].

Относительно школьных нравов и обычаев бывшие школьники рассказывают: Мальчики и девочки отдельно сидели. Девочки впереди, первые 3 ряда, а за ними мальчики [4]. Культурно ученики вели себя. Учитель был в почете. Если идет учитель, то ученица должна поклониться [53]. Если кто не слушался, на колени ставили, руки поднимали вверх и в руки давали грязные галоши, чтобы держали [40]. Все лето были каникулы, учиться шли с 1 сентября. Зимние каникулы начинались перед Колядами польскими²⁵, а на православные нужно было идти в школу, но если кто не приходил, то учительница ставила крестик — праздник [44].

Для продолжения обучения после общеобразовательной семилетней школы нужно было поступать в гимназию, уезжать в другой город (Столбцы, Несвиж, Вильно или др.). Кто хотел подготовиться, нанимал себе учителя [34]. Однако информанты отмечают: При Польше 7 классов — и все. После можно было и в гимназию пойти, но как-то тогда не стремились к этой науке. Ремесло — вот это так сказать то, что хлеб давало. И еще одна причина. Я ж то православный, белорус, и нас как-то особенно после смерти Пилсудского начали притеснять. И евреев, и нас, белорусов [29]. Среди мирян, которые все-таки смогли поступить в гимназию или лицей и закончить их, называют: Сенюта из мирских закончил лицей, нам преподавал после польский язык, гимнастику. После, я в 7 классе был, то была Трушинская, тоже мирская. Это наши, белорусы. Также польский язык преподавала [29].

Для девчат была специальная школа рольнича²⁶. Она была в Бережной, и туда ездили мирские учиться. Десять классов там было. Там они жили, по хозяйству все учились: как обрабатывать поле, вышивать, шить, вязать, всему их там учили. После они могли стать, ну, где-нибудь управляющими, или в школе, или в семье воспитательницами. Могли учить в семье детей вышиванию, шитью, кулинарии. Такая вот была образованная хозяйка. Шли туда больше богатые, бедные мало. Они ничего за это не платили, их бесплатно учили. Янина Петровская там учились, ее немцы в войну расстреляли [26].

* * *

Культурная жизнь небольшого местечка была довольно насыщенной. Здесь имелись духовой оркестр, драмкружки, устраивались вечеринки и танцы, сюда приезжали артисты и силачи, тут проходили смотры и соревнования пожарных команд.

Были две пожарные дружины, княжеская и в Мире, тоже добровольная [29]. Мирская находилась на улице Первомайской, примерно, где сейчас находится горсовет, за ним метров 20 по правой стороне. Сейчас нет даже фундамента, жилые дома стоят⁷. У пожарных из формы были только медные каски [15]. У дежурных форма была черная и каски [26]. Жиды с мирской пожарной команды торговали, аптеки держали [40].

У князя была своя пожарная, и комендант свой в пожарной. А форма темно-синяя такая [4]. Одежда была вся княжеская, он выдавал. Все у князя работали [29]. Их здание было напротив спиртзавода, длинное здание [44].

Благодаря В. В. Лобозе мы смогли не только практически целиком восстановить состав княжеской пожарной команды, но и проследить судьбы ее членов. Основанием для воспоминаний стал фотоснимок команды.

Пожарные были в большом почете [42]. Я подрастал, и все мечтал, скорей бы мне подрасти, я тоже пойду в пожарную команду. Они ничего не получали за работу. Если поедешь на соревнования, то уже пьянку хорошую устроят. Соревнования и в Столбцах, и в Еремичах проводили. А наша команда, именно княжеская, не мирская, брала первое место по всему району, даже и столбцовская команда уступала нашей. [...]

В мирской команде еврейчиков много было, наших мало было. Они, если проводили занятия, то не каждую неделю. Евреи — коммерсанты, у каждого свое, да и к работе не особенно. Пожарной командой командовал Космаевич. А у нас что, отработал в будний день, а в воскресенье — выходной. Бывало, что по стаканчику дадут после занятий. Наша команда по воскресеньям всегда проводила занятия учебные. Кто же даст в рабочий день тренироваться! [29].

Женская часть пожарных команд — самаританки¹⁷. Самаританки должны были оказывать первую помощь пожарникам. Ну, где-нибудь поцарапается, или что [40]. В самаританки шли после семилетки. В здании пожарной дружины проводился инструктаж о том, как тушить пожар, об оказании помощи погорельцам [13]. Занятия проходили вечером. Самаританки изучали гигиену, гражданскую оборону, первую медицинскую помощь, занимались гимнастикой [23].

Рассказывает бывшая самаританка Турецкой пожарной команды: А было однажды общее собрание в Мире. Я приехала из Турца¹⁸ такая зачуханая, а они были уже более такие, городские. Они были такие ловкие, приготовили стол красивый, богатый. И апельсины, и лимоны, и торты были. А у нас деревня, беднота. Я не знала, как есть этот торт или лимон. Я помню, мы тогда очень хорошо гуляли. В Мире было много всех: и пожарников много, и самаританок, может 20 тут было их всех, а нас только две. И начальство тут было. И музыка, оркестр как заиграет! Тут стол был, а в другом здании — уже танцы. Мирские были более такие городские, разодеты красиво. Форма самаританок была такая, как школьная. Юбочка синенькая и кофточка в поясику

синенькая и белый воротничок. А я в форме школьной была еще, а уже переднички мы сняли (в школе мы были в передничках) [23].

Пожарные дружины являлись настоящими центрами культурной жизни межвоенного местечка: у них был не только духовой оркестр, но и большое здание, которое, фактически, становилось местечковым клубом.

При Польше очень весело было! Очень! Тут на спиртзаводе была пожарная комната такая, там бочки, помпы стояли. И просят уже управляющего, чтобы потанцевать. Особенно в воскресенье, суббота же — рабочий день. «Пожалуйста, до 12, потому что завтра же на работу. Пожалуйста, гуляйте. Только, чтобы было тихо». Ну и танцы!.. [29]. Зимой танцы в пожарной комнате, а летом на улице [44]. Света у нас не было, только газовые лампы. А князь устраивал танцы и разрешал 2–3 часа танцевать при зажженном свете [42]. В наше время было много танцев: полька, лявониха, абэрак, краковяк, падиспан, и еще дамский вальс (девушки приглашали парней) [23].

Устраивались танцы и в здании мирской пожарной дружины. Там, где была пожарная, там зал большой был. Ну, так танцы там были, все танцевали. Евреи тоже приходили, танцевали. И еврейчики [29]. Хлопцы свои умели играть. Кто на балалайке, кто на гитаре. В субботу были танцы, то все приходили. Будним днем то мы танцевали так, а уже в субботу и воскресенье платные были. Будним днем — гитара и балалайка, а в воскресенье — жиды играли, пожарники [40]. Жидов нанимали, они духовую музыку играли. Туда буфет еврей привозил [44]. У мирских оркестр хороший был. Занимались они. Барабан был, трубы в оркестре. 3 мая праздновали¹⁹. Гармони были [28].

В пожарной там как сарай был такой огромный, то мы там собирались в этом сарае. Там была одна огромная комната, лавки стояли, кино пускали. Помню, был концерт, и одна сказала: «Уй, собрать такую публику и петь такую ерунду! Я не могу!» Но она ж деньги заплатила, то надо было слушать [40].

При пожарной части был драмкружок, приходили, пели и танцевали. Играли там обычно человека 2–3 [9]. Ставили «Никитин лапоть». Были специальные брошюры белорусские с пьесами. Учительница одна это организовывала, и в школе она была тоже. Ставили пьесы одну на польском, другую на белорусском. Спектакли показывали за один вечер два вместе. А кто бы пошел на польский из наших?! Может, и пошли бы, но на нашем — больше [40].

В здании пожарной части выступали и гастроллирующие артисты. Туда часто приезжали артисты. Однажды приехал силач [15]. Помню, медведя приводили [54]. Приезжали борцы, боролись. Там и русский, и немец, и поляк. И после вызывали наших: «Кто хочет, выходит, поборемся!» И были желающие. Николай Найба, высокий такой, здоровый хлопец, в кузне молотобойцем работал. И чтобы доказать, что он такой сильный, ему кладут наковальню на живот и по наковальне молотом бьют. Вот он сильный какой! Сильный-сильный, но там нужна ловкость. Вертким нужно быть! Он выбрал самого легенького поляка, он худенький был. Пришел этот Коля, тот намного ниже его. Схватились, туда-сюда, он после этого Колю через голову, только пятки блеснули, и как лянул об пол! Ну, а что ж он думал! А если б поборол поляка, то была б премия какая-то. [...]

Билеты были по 50 грошей, по золоту, по два. Те, кто побогаче занимали первые места. Пуд жита — полтора золотых, даже до двух доходил перед жатвой. Это дорогие билеты были. Артисты представление каждый день показывали, народу много ходило. Там сцена была, стульчики. Детям хотелось пойти посмотреть, хоть дорого. Но у меня не было такого, если что, то попрошу у мамы, и она даст, если посчитает нужным.

В здании пожарной части праздновали Новый год, Рождество. Вход на театральное представление — платный. В Новый год стояла елка. Моя тетя однажды нарядилась в костюм из белого мха и грибочков. Ставились представления, в основном сказки [42]. Были для детей концерты. Как елка, и на Николу давали подарки. Родители сами покупали подарки, а детям говорили, что от Николы. Красивые костюмы были, делали из карбованой бумаги. Сказки ставили, стихи рассказывали. Дети сами выступали. Самое лучшее представление было на Новый год. У князя на Новый год давали подарочки в узлах (по полметра ткани). Мальчикам в голубом, девочкам в розовом, там конфеты, печенье и др. У князя на Новый год собирались в пожарной. Князь на елку не приходил, подарки раздавала Шмурева из конторы. Елка была высокая, украшали ее гирляндами, куклами самодельными (голову покупали, остальное сами доделывали). Ангелов делали, шарики. И музыка там играла: гармонь, гитара [44]. Миряне вспоминают, что на Новый год ставили елку и дома. При Польше мои родители ставили елку, покупали конфеты и вешали на елку [40].

* * *

Благодаря проведенному исследованию удалось выявить прежде незафиксированные памятные места населенного пункта, например, деревянную часовню католического монастыря (в настоящий момент — дровяной склад) и кладбище при ней. Были ре-актуализированы прежде известные, но обойденные вниманием историков и экскурсоводов места. В семейных альбомах жителей выявлен ряд уникальных фотоснимков местечка межвоенного периода, замка, его владельцев. Идентифицированы лица, изображенные на немногочисленных фотографиях, сохранившихся из семейного архива Святополк-Мирских. Собранный материал позволяет значительно расширить и конкретизировать экскурсионные программы, переработать их отдельные ошибочные утверждения (например, место расположения всемирно знаменитой иешивы), и, что не менее важно, наполнить их жизнью.

Список информантов

1. Мужчина, г.р. неизв.
2. Мужчина, 1923 г.р.
3. Женщина, 1936 г.р.
4. Женщина, 1923 г.р.
5. Мужчина, 1921 г.р.
6. Мужчина, 1931 г.р.
7. Мужчина, 1927 г.р.

8. Женщина, 1931 г.р.
9. Женщина, 1920 г.р.
10. Мужчина, 1922 г.р.
11. Женщина, 1925 г.р.
12. Женщина, 1923 г.р.
13. Женщина, 1925 г.р.
14. Женщина, 1294 г.р.
15. Мужчина, 1931 г.р.
16. Мужчина, 1943 г.р.
17. Женщина, 1934 г.р.
18. Мужчина, 1929 г.р.
19. Женщина, 1917 г.р.
20. Женщина, 1918 г.р.
21. Женщина, 1921 г.р.
22. Мужчина, 1924 г.р.
23. Женщина, 1915 г.р.
24. Мужчина, 1923 г.р.
25. Женщина, 1936 г.р.
26. Женщина, 1922 г.р.
27. Женщина, 1923 г.р.
28. Женщина, 1920 г.р.
29. Мужчина, 1922 г.р.
30. Женщина, 1930 г.р.
31. Женщина, 1921 г.р.
32. Женщина, г.р. неизв.
33. Мужчина, 1926 г.р.
34. Женщина, 1934 г.р.
35. Женщина, 1935 г.р.
36. Женщина, 1926 г.р.
37. Женщина, 1924 г.р.
38. Женщина, 1921 г.р.
39. Женщина, 1922 г.р.
40. Женщина, 1915 г.р.
41. Женщина, 1925 г.р.
42. Мужчина, 1934 г.р.
43. Женщина, 1924 г.р.
44. Женщина, 1929 г.р.
45. Женщина, 1924 г.р.
46. Женщина, 1929 г.р.
47. Мужчина, 1930 г.р.
48. Женщина, 1911 г.р.
49. Женщина, 1926 г.р.

- 50. Мужчина, 1923 г.р.
- 51. Мужчина, 1923 г.р.
- 52. Мужчина, 1918 г.р.
- 53. Женщина, 1923 г.р.
- 54. Женщина, 1921 г.р.
- 55. Мужчина, 1930 г.р.
- 56. Женщина, 1961 г.р.

¹ На 1998 г. здесь жило 2,6 тыс. человек. В городском поселке работают масло-, хлебо-, спиртзавод, птицефабрика, комбинат бытового обслуживания, лесничество. Есть средняя школа, ПТУ, детский сад, дом культуры, 2 библиотеки, больница, отделение связи.

² По условиям Рижского мирного договора 1921 г. западная часть Беларуси была включена в состав Польши. Воссоединение белорусских территорий произошло в 1939 г.

³ Интервьюирование проводилось в рамках этнографической практики студентов исторического факультета Белорусского государственного университета (июль 2003 г., июль 2005 г.)

⁴ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / П.Томпсон М., 2003. С. 267–268.

⁵ См.: Раманова І., Махойская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. Вільня, 2009.

⁶ Паробки — работники княжеского имения.

⁷ Для белоруссов времен межвоенной Польши употребление слова «жид» было обычным, оно не несло никакого негативного смысла, пользуются им старожилы западной Беларуси и до настоящего времени.

⁸ На 1939 г. население местечка было 5,5 тысяч человек, из них — 3,3 тыс. составляли евреи.

⁹ Вытрымкі з кнігі *Рухомы Шайн «Усе для Боса»*//Раманова І., Махойская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. С. 203.

¹⁰ Еремичи — соседняя деревня.

¹¹ Имеются в виду белорусы.

¹² Имеются в виду белорусы.

¹³ Szkoła powszechna (польск.) — общеобразовательная школа.

¹⁴ Имеется ввиду здание гминной управы. Гмина (польск. gmina — волость) — низовая административно-территориальная единица в Польше.

¹⁵ Католическое Рождество — 25 декабря.

¹⁶ Szkoła rolnicza (польск.) — сельскохозяйственная школа.

¹⁷ Существует как братство самаританок, так и сестринство, это манашеские объединения (появились в Галиции, недалеко от Кракова в конце XIX в.). Однако кроме сестер и братьев существует также движение самаританок, специализирующееся на оказании всевозможной медицинской помощи.

(http://www.salwatorianie.pl/miba/strony/s_samarytanki.htm).

¹⁸ Турец — местечко в 12 км от Мира.

¹⁹ 3 мая — День Конституции Польши.

Irina MAKHOVSKAYA, Irina ROMANOVA

MIR: THE HISTORY OF THE TOWN TOLD BY ITS CITIZENS
(Researching local past through oral history)

Mir is a small borough in the Grodno region in Belarus. From 1921 to 1939, the territory it is situated on, belonged to Poland, but in 1939 it was annexed by the USSR and became part of the Byelorussian Soviet Socialist Republic. Mir has been of interest to us as researchers due to several factors. First, Mir is included in all major tourist guides, mainly because of the XVIth century castle, which is classified by UNESCO as a world heritage site. Life in the vicinity of the castle owned by the Dukes (until 1939) gave the local people a sense of uniqueness of their home place and had a great impact on their self-identification. The second reason for Mir being renowned worldwide is the local Yeshivah — one of the famous Yeshivas of the first half of the 20th century — a major educational establishment for Jewish students from all over the world.

Today oral narratives are the primary data for studying and reconstructing the castle inhabitants' everyday life, since no family archives or relevant documents or photos (with few exceptions) have survived to this day. Like the archival records, the interiors of the castles have been plundered as well. That is why the memories of the people who grew up and spent their young adulthood in the immediate surroundings of the castle are of great value for researchers.

Autobiographical narratives are quite complicated material to interpret because historical experience in this case is embodied in the life of one person. But when brought together and viewed from a different perspective (“horizontally”) they produce a unified and multidimensional picture. That’s why we created a kind of multi-voiced text where all the townspeople gather and talk, listen and add to each other’s stories: interviews after being transferred into the text format were split into thematic pieces and then the segments from different interviews on the same topic were put together. Facts were verified by means of comparing the different informants’ statements with other statements and sources. In this way we created the collection of fragments supplemented by biographical pieces if needed. What we got in the end was a collective life-history of the people and representation of their everyday life.

Each epoch has its own specific set of mandatory topics that people address in their memories. For example, “mandatory topics” for speaking about inter-war period were the shops that “had everything in stock”, the Yeshivah, the Jews, the Duke and the castle. Recollecting the war often means to speak about the humiliation of the Jews, about partisans, policemen recruited by the Nazis from the locals. Even if these mandatory topics didn’t play an important role in the personal life of particular narrator, they are still referred to. These subjects are preserved in the collective memory of the people and are actualized through biographical history.